

*Хейзел Джоан Роули,
которая так резко
захлопнула дверь,
что поймала нас.*

Но приходится выбирать:
или жить, или рассказывать¹.

Жан-Поль Сартр

Ну почему любая попытка рассказать о себе оборачивается набором полуправдивых фраз? С какой, скажите на милость, стати автобиографии или мемуары так часто состоят из выдумок, заставляющих правду затуманиться, а потом и вовсе исчезнуть? Что вынуждает человеческое существо создавать картину жизни, настолько отличную от реально прожитой? Хотите пример? Извольте! Читаю в материалах, написанных моими пресс-секретарями для журналистов и книготорговцев по сведениям, предоставленным мною лично: «В 1958-м Мариз выходит замуж за гвинейского актера Мамаду Конде, которого впервые увидела на сцене театра «Одеон» в «Неграх», пьесе Жана Жене, поставленной Роже Бленом². В том же году она уезжает с ним в Гвинею, единственную африканскую страну, ответившую *нет* неокOLONиальной политике Шарля де Голля, не вошедшую в состав Французского содружества и декларировавшую полный государственный суверенитет».

Привлекательная картина, не так ли? Любовь, вдохновленная гражданской и политической пассионарностью. А между тем в этой фразе содержится целый ряд фальсификаций. Я никогда не

была на спектакле по пьесе Жене и потому физически не могла увидеть игру Конде. Когда мы жили в Париже, он выступал в третьесортных театриках и изображал «темнокожую братию», как сам честно признавался.

Арчибальда в постановке Роже Блена Конде сыграл только в 1959-м, когда мы переживали первое из наших расставаний. Брак вышел не самым удачным... Я преподавала в Бенжервиле — городе на берегу лагуны Эбрие Гвинейского залива, в юго-восточной части Берега Слоновой Кости³, где родилась наша первая дочь Сильви-Анна.

Итак, скажу, выразив своими словами фразу из «Исповеди» Жан-Жака Руссо: *хочу показать себе подобным одну женщину во всей истинности ее натуры, и этой женщиной буду я*⁴.

В определенном смысле я всегда испытывала страсть к правде, что часто не шло мне на пользу — как в личном, так и в общественном плане. В книге воспоминаний «Сердце, обреченное на смех и слезы. Подлинные сказки моего детства» я рассказываю, как зародилось мое, с позволения сказать, писательское призвание. Это случилось двадцать восьмого апреля, в день рождения моей матушки. Мне было десять лет, и я ее обожествляла, несмотря на взбалмошный нрав родительницы. Вообразим, что я сочинила в ее честь нечто среднее между стихотворением и интермедией, попытавшись описать эту многогранную

личность — то нежную и безмятежно спокойную, как морской бриз, то полную сарказма и ворчливую. Мама молча выслушала бы «оду» в исполнении одетой в голубое платье дочери, подняла бы глаза, полные слез (к моему *изумлению!*), спросила бы «на выдохе»: «Такой ты меня видишь?» — подарив чувство могущества, которое я стремилась бы переживать снова и снова, в каждой новой книге.

Сочиненный апокриф великолепно иллюстрирует невольные попытки приукрашивания, с которыми я борюсь. Я часто мечтала шокировать читателей, разоблачив излишний пафос, заставив его прилюдно испустить дух напыщенности. Мне не раз приходилось сожалеть о том, что никто не обращает внимания на стрелы, которыми я напиговала свои тексты. В романе «В ожидании паводка», выпущенном в 2010 году издательством *Jean-Claude Lattès*, я написала: «Разве террорист не есть обычный отверженный — от родины, от ее богатств, от счастья, — отчаянно желающий быть услышанным, допускаю, что варварскими методами?»

Я надеялась, что в нашу чрезмерно осторожную эпоху подобное определение вызовет различные реакции, но только Дидье Жакоб из *Le Nouvel Observateur*⁵ задал вопрос на эту тему, когда брал у меня интервью.

Я, конечно же, не считаю, что назначение писателя только в том и состоит, чтобы шокировать

читателей. Страсть к писательству накрыла меня без предупреждения. Я ни в коем случае не сравню ее с неким таинственным злом, поскольку она доставляет мне неизбывное удовольствие. Я скорее сравню эту страсть с пугающей неотложной необходимостью, в причинах которой так и не сумела разобраться. Будем помнить, что я родилась в стране, где не было ни одного музея, ни одного театра, а писатели, знакомые нам по школьным учебникам, обитали в Иных Мирах.

Я не была вундеркиндом из тех, кто в шестнадцать лет сочиняет гениальные тексты. Первый роман увидел свет, когда мне было сорок два года (другие в этом возрасте начинают убирать в стол бумагу и ластик), приняли его очень плохо, что я восприняла стоически как провальную стартовую будущую карьеру литератора. Я поздно дебютировала, потому что трудно жила, но когда проблем стало меньше, смогла заменить подлинные драмы литературными.

В романах «Сердце, обреченное на смех и слезы» и «Победа, остроты и слова» я в деталях описала среду, из которой вышла. Успешный фильм Юзан Пальси «Аллея черных лачуг» создал у зрителей совершенно определенный образ Антильских островов... с которым я категорически не согласна! Не все антильцы — «проклятым заклеяменным», от рассвета до заката потеющие на плантациях сахарного тростника⁶. Мои родители относились к нарождавшемуся классу мелких буржуа и весьма

заносчиво называли себя Великими неграми. В защиту матери и отца скажу, что их детство было ужасным и они желали любой ценой оградить своих детей от страданий. Моя мать Жанна Кидаль была незаконной дочерью неграмотной мулатки, которая так и не выучилась говорить по-французски. Она убиралась у белых по фамилии Вахтер и очень рано узнала, что такое стыд и униженность. Мой отец Огюст Буколон, тоже незаконнорожденный, остался сиротой, его мать погибла на пожаре, когда их хижина занялась и сгорела в считанные минуты. Трагическое происшествие имело, как ни дико это звучит, «полезные» последствия. Вахтеры позволили моей матери присутствовать на занятиях гувернера с их сыном, что, учитывая цвет кожи девочки, сделало ее аномально образованной и позволило в дальнейшем стать одной из первых чернокожих учительниц ее поколения. Мой отец, сын нации⁷, получил образование — редкость для того времени! — и в конце концов основал небольшой Потребительский Ссудный банк, обслуживавший чиновников.

Молодожены Жанна и Огюст были первой темнокожей супружеской парой, владевшей автомобилем «Ситроен С4», они построили на мысе трехэтажный дом и проводили отпуск на берегу реки Сарсель в Гояве⁸, в собственном «доме отдыха». Родители так возгордились, что растили моих семерых братьев, сестер и меня в полном незнании окружавшего нас общества и презрении к нему.

Я была младшим ребенком, меня баловали больше всех остальных детей и предрекали потрясающее будущее. Я охотно верила. В шестнадцать лет, собираясь на учебу в Париж, я не знала креольского языка, никогда не ходила на *Левоз* — традиционное гваделупское сельское музыкальное представление, мне были чужды и ритмы антильских танцев под аккомпанемент больших креольских барабанов *гвока*. Даже антильскую пищу я считала грубой и невкусной.

В моей нынешней жизни не происходит ничего особенно драматичного — кроме подкрадывающейся на мягких лапах старости и болезней, в чем нет ничего сверхъестественного и никого не может заинтересовать. Я лучше постараюсь описать то особое место, которое Африка занимала в моей жизни — реальной и воображаемой. Что я там искала? До сих пор точно не знаю. Пожалуй, самым правильным будет вспомнить «Любовь Свана» Марселя Пруста и повторить слова его героя:

«Как же так: я убил несколько лет жизни, я хотел умереть только из-за того, что всей душой любил женщину, которая мне не нравилась, женщине не в моем вкусе!»⁹

I

«Лучше неудачно выйти замуж, чем остаться старой девой»

Гваделупская пословица

Я познакомилась с Мамаду Конде в 1958 году, в Доме студентов Западной Африки, большом обветшалом здании на бульваре Понятовски в Париже. Африка, ее прошлое и настоящее, занимала все мои мысли, я подружилась с сестрами Раматулэ и Бинету, представительницами гвинейской народности пёль. Мы встретились на политическом митинге на улице Дантона, в Зале научных обществ, не сохранившемся до наших дней. Девушки приехали из Лабе, города в центральной части Гвинеи, они показывали мне пожелтевшие фотографии своих почтенных родителей, одетых в бубу¹⁰ из базена — полульняной саржи. Они сидели перед круглыми хижинами, крытыми соломой, смотрели в объектив, улыбались и были до того трогательными, что я расчувствовалась.